

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ/SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.160.44>

ЦЕННОСТИ ДОПОЛНЕННОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ В ВОСПРИЯТИИ ВОЗРАСТНЫХ КОГОРТ КИТАЙЦЕВ (ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Научная статья

Дерюгин П.П.^{1,*}, Вэй Л.², Бакулин А.В.³, Юй Я.⁴

²ORCID : 0009-0001-1282-8804;

^{1, 2, 3, 4}Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (ppd333[at]rambler.ru)

Аннотация

Актуальность. В условиях экспансии дополненной реальности (AR) восприятие ценностных ориентаций различными возрастными когортами в китайском обществе приобретает уникальные черты. Существующие эмпирические подходы к изучению виртуального пространства ценностей, как правило, не в полной мере задействуют потенциал социоструктурной модели общества.

Проблема исследования заключается в выявлении возрастных различий в восприятии ценностей на пересечении реального и виртуального в китайском социуме.

Методологическая основа исследования базируется на положениях концепции о социоструктурной конфигурации современного общества, что позволяет рассматривать ценности как элемент более широкой социальной структуры. В эмпирической части работы проведен анализ ценностей в цифровом пространстве трех возрастных когорт китайцев: старшего, среднего и молодого поколений.

Результаты исследования демонстрируют существенные различия в восприятии ценностей социальной реальности и дополненной социальности, выявлены различия в отношении к институциональным и интеракциональным ценностям, а также к сетевым и потоковым ценностям. Установлено, что в каждой из проанализированных пар ценностей наблюдается сдвиг восприятия, обусловленный совокупностью факторов. На основании полученных данных сделаны выводы о детерминантах интеграции ценностей в пространстве дополненной реальности.

Ключевые слова: дополненная социальность, восприятие, ценности, виртуализация, возрастные когорты, институты, интеракции, сети, потоки.

VALUES OF ENRICHED SOCIALITY IN THE PERCEPTION OF AGE COHORTS OF THE CHINESE (EMPIRICAL RESEARCH EXPERIENCE)

Research article

Deriugin P.P.^{1,*}, Vei L.², Bakulin A.V.³, Yui Y.⁴

²ORCID : 0009-0001-1282-8804;

^{1, 2, 3, 4}Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (ppd333[at]rambler.ru)

Abstract

Relevance. In the context of the expansion of augmented reality (AR), the perception of value orientations by different age cohorts in Chinese society is acquiring unique traits. Existing empirical approaches to the study of virtual value space, as a rule, do not fully tap into the potential of the socio-structural model of society.

The research problem lies in identifying age differences in the perception of values at the intersection of the real and virtual worlds in Chinese society.

The methodological basis of the study is founded on the provisions of the concept of the socio-structural configuration of modern society, which allows values to be viewed as an element of a broader social structure. The empirical part of the work analyses the values in the digital space of three age cohorts of Chinese people: the older, middle and younger generations.

The results of the research demonstrate significant differences in the perception of the values of social reality and augmented sociality, revealing differences in attitudes towards institutional and interactional values, as well as network and flow values. It has been established that in each of the analysed pairs of values, there is a shift in perception caused by a combination of factors. Based on the obtained data, conclusions have been made about the determinants of value integration in the space of augmented reality.

Keywords: enriched sociality, perception, values, virtualisation, age cohorts, institutions, interactions, networks, flows.

Введение

В китайском социуме тысячелетние традиционные ценности конфуцианства продолжают оказывать значительное влияние на общественную жизнь, одновременно интегрируясь с новыми феноменами дополненной социальности [1]. По данным на 2025 год, 78,17% китайского населения является участниками виртуального взаимодействия, т.е. большинство китайского населения вырабатывает свое особое отношение к сохранению и популяризации традиционного наследия на основании цифровых архивов (проект «Цифровой Китай») или, например, к воссозданию Запретного города при помощи VR и AI и др. Хорошо известно, что китайская молодежь уже по-своему оценивает виртуальный потенциал как *мягкую силу глобализации* и продвижение китайской культуры через соцсети (Douyin,

Weibo), трансляции праздников Весеннего фестиваля и онлайн-курсов (Coursera, Duolingo) по языку и каллиграфии, появление персонажей (Гу Сяоюй, Тяньюй) в глобальных сетях и др., что представляет всему миру многовековые традиции Китая в цифровом формате [2], [3], [4].

Виртуализация изменяет все элементы социальной системы Китая:

1) *экономические позиции* Китая как лидера в цифровом пространстве (5G, спутниковая навигация «BeiDou» и технологии умных городов), увеличивают вес цифровой экономики ближайшем будущем до 55% ВВП (прогноз компании Huawei);

2) *идеологическая интеграция* виртуального и реального соответствует целям реализации стратегий «Цифрового Шелкового пути» и «Сообщества единой судьбы».

Лидерство в технологиях виртуализации давно стало ареной конкурентной борьбы: на июль 2025 года, 50 из 100 лучших экспертов в области ИИ в мире работают в научно-исследовательских институтах или компаниях Китая и имеют китайское происхождение [5], [6].

В социальном отношении цифровизация китайского общества существенно трансформирует традиции и привычную логику социализации. На основе идей П.А. Сорокина в Китае описана структура китайского общества (исследование Лу Сюэй, 2011 г.), которая состоит из десяти социальных страт, по-разному включенных в виртуальное пространство: 1-ая (высшая) страта — государственные и общественные руководители, усиливают свое влияние за счёт управления цифровыми инфраструктурами и big data. Последняя, 10-ая страта — для безработных и мигрантов (hukou) — низший слой, цифровой разрыв только усугубляет положение последних. ИТ-специалисты в этих условиях получают значимый потенциал мобильности для перехода в высшие страты [7]. Поэтому исследование динамики восприятия цифрового пространства различными когортами китайского общества имеет существенное значение для понимания механизмов лидерства Китая в глобализации и технологическом прогрессе.

Проблема исследования заключается в наличии дисгармоний в восприятии социальной и виртуальной реальности китайцами различных возрастных групп. Во-первых, *возрастные особенности* складываются на стыке различного осознания двух форм социальности: реальной и дополненной. Во-вторых, различия возрастного осознания *новых практик конструирования социальной реальности* формируют индивидуальные картины мира, независимо от физической действительности. В-третьих, *экономические трансформации* выражаются в виртуальных пространствах экономики (например, оборот виртуальных товаров в Silicon Universe достигает миллионов долларов), что ставит вопрос о зависимости китайского общества от оффлайн-реальности. В-четвертых, *этические и правовые вызовы* (нарушения авторских прав, кибербуллинг, манипуляции информацией и др.), с напряжением воспринимается значительной частью китайцев. В-пятых, *методологическая сложность*. Исследователям важно вырабатывать единый концептуальный язык и методы анализа новых форм взаимодействия на стыке междисциплинарного подхода — социологии, ИТ и психологии.

Цель исследования — выявление, систематизация и характеристика особенностей восприятия дополненной социальности возрастными когортами китайцев. **Объект исследования** — возрастные когорты китайцев. **Предмет** — восприятие ценностей институциональной, интеакционистской, сетевой и потоковой составляющих современного общества. Гипотетически можно предположить, что основной сдвиг восприятия ценностей дополненной социальности в возрастных когортах китайцев будет складываться по оси реального и виртуального пространства, институциональных и интеракциональных ценностей, а также между ценностями сетевой и потоковой среды.

Методология, принципы и методы исследования

Исследование основывается на концепции профессора СПбГУ Д.В. Иванова о четырех типах социальной реальности, синтезированных на основе обобщения фундаментальных социологических теорий в описании интеграции общества. К числу базовых теорий отнесены теории структурации Э. Гидденса [8], коммуникативного действия Ю. Хабермаса [9], конструктивистского структурализма П. Бурдье [10], сетевого общества М. Кастельса [11], пересборки социального Б. Латура [12], мобильностей Дж. Урри [13], потоковых рынков К. Кнорр-Цетины [14], морфогенеза и рефлексивности М. Арчер [15] и другие. В рамках концепции Д.В. Иванова выделяются *четыре основных типа социальной реальности*: институциональная, интерактивная, сетевая и потоковая, которые представляют собой различные составляющие единой конфигурации общества. Составляющие конфигурации возникают и эволюционируют (интегрируются) в ответ на вызовы современного общества и технологических инноваций (Д.В. Иванов) [16], [17], [18].

Институциональная (тотальная) социальность — возникает на основе традиционных социальных институтов. Э. Гидденс подчёркивает, что они играют ключевую роль в «цементировании» социальной жизни, обеспечивая её преемственность и устойчивость социальных статусов и ролей. Тотальные институты, согласно И. Гоффману, «требуют идентификации» личности с социальной системой. Основными инструментами такого влияния являются нормы, ритуалы и традиции [19].

Интеракционная составляющая — это частичная социальность, взаимодействия людей, который необходимо учитывать при анализе социальных структур. Это подход, разработанный М. Вебером, Г. Зиммелем, Т. Парсонсом и Р. Мертоном и др., здесь фокусируются исследования социальных действий и взаимодействий как фундаментальных категорий социологического анализа [20].

Сетевая социальность (М. Кастельс, 1980-х гг.) — относительная социальность, она возникает в социальных сетях. Виртуальная социальность, несмотря на свою кажущуюся эфемерность, значительно влияет на все аспекты современной жизни, способствуя трансформации традиционных социальных институтов. Сообщества, состоящие из виртуальных контактов и условных отношений, обладают высокой степенью личной свободы и низкой степенью зависимости [21].

Потоковая составляющая (С. Лэш и Дж. Урри, 1990 гг.) — это форма альтернативной социальности. В отличие от сетевого общества, которое концептуализирует своих участников в «узлы», в сетевых связи, потоковое общество

представляет собой форму социальной изменчивости, динамичности и мобильности. Здесь отношения и сетевые взаимодействия не обладают статичностью, а постоянно изменяются и трансформируются. Потоковое измерение социальной реальности характеризуется отсутствием фиксированных границ и структурных позиций. Потоки измеряются такими параметрами, как «векторы», «вязкость» и «степень материальности», что позволяет анализировать их интенсивность, направленность и структурные изменения [22].

2.1. Методика

Важным принципом построения методики исследования стала позиция У. Томаса и Ф. Знанецкого, согласно которой ценностью для индивида может стать «любой факт, имеющий доступные членам некой социальной группы эмпирическое содержание и значение, исходя из которых он есть или может стать объектом деятельности» [23]. Поэтому измеренные частотные характеристики тех или иных индикаторов укажут на важность и значимость — на ценность показателей при их эмпирическом измерении. В рамках анализа различных социальных реальностей выделены специфические характеристики-индикаторы, которые определяют их как уникальные подсистемы:

- интерпретация ключевых факторов материального благополучия;
- концептуальные представления о сущности политической власти и социальной интеграции;
- о культурных феноменах;
- о доминирующих чертах личности современного индивида;
- об основополагающих принципах жизнедеятельности общества.

Базовые характеристики были выявлены и проанализированы в рамках составляющих социальных реальностей, таких как институты, интеракции, сети и потоки (см. табл. 1).

Таблица 1 - Основные характеристики социальности различной природы

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.160.44.1>

Материальное благосостояние	Объемы материальных ресурсов	Экономическое сотрудничество	Сеть	Потоки
Политическая власть	Обеспечение государственной монополии	Договорённость политических элит	Интернет-технологии мобилизации	Устранение препятствий для глобальной консолидации
Социальное единство	Солидарность и ответственность социальных групп	Диалог и взаимодействие в социуме	Горизонтальные связи	Свобода перемещения людских, материальных и информационных потоков
Культура	Общие идеалы и интересы	Обмен ценностями	Расширение ценностных горизонтов	Принятие ценностей различных сообществ
Современная личность	Включенность в группу	Общение	Свобода	Поток информации
Правило жизни	Стабильность	Коммуникации	Владение информацией	Всё течёт, всё изменяется

2.1.1. Построение методики

Исследовательский вопрос в онлайн-анкете формулировался как просьба проранжировать значимость показателей от 1 до 4 баллов, считая, что 1 — это самый высокий ранг (см. табл. 2). 2-й шаг. По результатам интернет-опроса формировалась таблица весов индикаторов и проводился корреляционный анализ данных [24]. Выборку составили респонденты-китайцы трех возрастных когорт:

- молодежи до 24 лет, $n = 273$;
- среднего возраста, 25-50 лет, $n=216$;
- старших возрастов, от 50 лет и старше, $n= 197$.

Таблица 2 - Анкета – опросник

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.160.44.2>

ПРОРАНЖИРУЙТЕ ПО СТЕПЕНИ ВАЖНОСТИ индикаторы (ценности, установки, ориентации)	Мое мнение
1. Основными источниками материального благосостояния выступают ...	
объемы материальных ресурсов общества	
различные формы экономического	

ПРОРАНЖИРУЙТЕ ПО СТЕПЕНИ ВАЖНОСТИ индикаторы (ценности, установки, ориентации)	Мое мнение
<i>сотрудничества, в т.ч. международного</i>	
<i>сетевые связи между предприятиями внутри общества и за его пределами</i>	
<i>свободный доступ и передвижение любых мировых ресурсов</i>	
2. Политическая власть — это ...	
<i>способ обеспечения государственной монополии на управление обществом</i>	
<i>результат договорённости политических элит общества</i>	
<i>ресурс применения интернет-технологий для мобилизации людей</i>	
<i>инструмент устранения преград для глобальной консолидации народов мира</i>	
3. Социальное единство общества обеспечивается ...	
<i>равенством социальных групп на основе равной ответственности</i>	
<i>возможностью диалога и взаимодействия в социуме</i>	
<i>развитием сетей горизонтальных связей (социальными сетями)</i>	
<i>перемещением людских, материальных и информационных потоков</i>	
4. Культура современного общества перспективна, если она обеспечивает ...	
<i>формирование общих идеалов и интересов социума</i>	
<i>обмен ценностями между различными социальными группами</i>	
<i>расширение ценностных горизонтов участников взаимодействия в социальных сетях</i>	
<i>адекватное восприятие (принятие) ценностей различных сообществ</i>	
5. Другой человек — современная личность, если для него основное — это ...	
<i>социализация</i>	
<i>общение</i>	
<i>коллективизм</i>	
<i>информация</i>	
6. Кредо — главное правило жизни, главный принцип	
<i>опытные согласны на стабильность</i>	
<i>люди переходят к насилию, потому что не могут коммуницировать</i>	
<i>кто владеет информацией, тот правит миром</i>	
<i>всё течёт, всё изменяется</i>	

2.2. Результат 1. Сравнение ценностей социальной реальности и ценностей дополненной социальности

Динамика социального восприятия в когортах респондентов фиксирует разрыв восприятия ценностей социальной реальности и ценностей дополненной социальности в следующей зависимости: *чем старше возраст респондентов, тем меньшее значение для них играют ценности дополненной социальности* (см. график № 1).

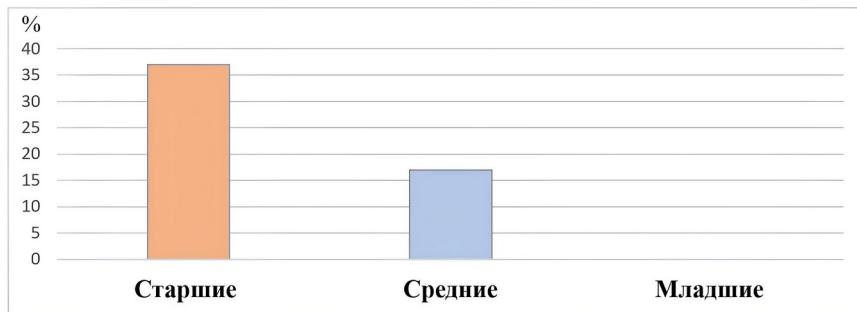

Рисунок 1 - Динамика восприятия ценностей социальной реальности и ценностей дополненной социальности

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.160.44.3>

Наибольший разрыв восприятия ценностей социальной реальности и ценностей дополненной социальности зафиксирован у *респондентов старшей возрастной когорты* — более 37%. Это говорит о меньшем значении виртуального общения и цифрового взаимодействия по сравнению с традиционными непосредственными контактами. Здесь фиксируется несколько важных тенденций. Во-первых, *консерватизм в восприятии технологий ИТ-коммуникации*, т.е. ориентация на привычные формы взаимодействия [2]. Во-вторых, фиксируется *поколенческий разрыв* с молодежью до 24 лет, которая активнее интегрируется в онлайн-форматы и виртуальную социализацию [25]. В-третьих, *замедленная социальная адаптация*, т.е. трудности для респондентов старших возрастов в приспособлении к технологическим изменениям, сознательный выбор в пользу «оффлайн-ценностей» [26].

У *респондентов когорты среднего возраста* разрыв восприятия ценностей социальной реальности и дополненной социальности уменьшается до 17%. Ценности социальной реальности они оценивают так же высоко, как и респонденты пожилого возраста (различия минимальные — 0,01 рейтинга), но ценности дополненной социальности — оцениваются ими так же, как респондентами молодежной когорты. Фактически когорта респондентов среднего возраста находится по середине цифрового континуума разрыва: несмотря на рост интереса к новизне, ключевыми ценностями остаются безопасность (стабильность), доброта (альtruизм), конформность (следование нормам). В отличие от молодежи, для них ИТ-технологии только инструмент, но не естественная среда и не цель существования. Другими словами, поколение среднего возраста играет стабилизирующую роль в китайском обществе, выступает «буфером» между консерватизмом старших поколений и радикально-инновационными устремлениями молодых поколений китайцев [27].

У *респондентов когорты младших возрастов* разрыв восприятия ценностей социальной реальности и дополненной социальности минимальный, статистически равен нулю. Китайское молодое поколение подтверждает приверженность гибкости социальных норм и демонстрирует более пластичное восприятие новых социальных ролей. Как и молодежь других стран, она признает цифровую социализацию, благодаря опыту жизни в гибридной реальности [28], снижение жесткости возрастных рамок для образования, карьеры, создания семьи [29]. В ряде исследований показан наметившийся ценностный сдвиг китайской молодежи в сторону индивидуализации жизненных траекторий и карьерных устремлений, характерных для европейской молодежи [30]. Как отмечала М. Райли в теории когортного потока, поколения, сформированные в эпоху цифровизации (после 2000-х), изначально адаптированы к параллельному существованию в физическом и цифровом пространствах. Для них характерны быстрая перестройка поведенческих паттернов и нелинейные социальные переходы (например, совмещение работы и учебы) [31].

Вывод 1. Наиболее значимая поляризация реального и виртуального пространства зафиксирована в ценностях между когортой *старшей и молодежной групп*: различия в оценках реального социального пространства оказались незначительными (всего 4%), в восприятии ценностей дополненной социальности такое расхождение — около 12%. Зафиксированный разрыв отражает не столько конфликт поколений, сколько разную степень интегрированности цифрового опыта. Для молодёжи виртуальное пространство — скорее продолжение реальной социальности, для респондентов старших возрастов — приложение к существующим реалиям.

1. Китайская молодёжь, выросшая в цифровой среде, воспринимает виртуальное пространство как *естественную часть жизни*, где ценности (например, самовыражение, гедонизм, стимуляция) реализуются свободнее. Для старшего поколения виртуальность остаётся больше инструментом, чем средой образования ценностей.

2. *Разные критерии значимости*. В реальном мире респонденты выраженно ориентируются на универсальные ценности (безопасность, благожелательность), в виртуальном — молодёжь акцентирует *достижения и автономию*, тогда как старшие сохраняют осторожность, ценность традиций.

3. *Эффект цифровой компетентности*. Исследование показывает: чем выше вовлечённость в онлайн-среду (потраченное время, навыки), тем позитивнее оценка дополненной социальности.

2.3. Результат 2. Разрыв ценностей социальной реальности (институциональные и интеракциональные ценности)

Стратегии традиционных отношений, основанные на институциональных ценностях китайцев, в значительной степени трансформируются под влиянием совокупности доминирующих индивидуальных целевых установок и личностных характеристик участников, а также ситуативных факторов, характерных для интеракциональных ценностей. Другими словами, реальные контакты, возникающие в ходе взаимодействия, обусловлены не только традиционными стратегиями коммуникативного поведения китайцев, но также и совокупностью индивидуальных — интеракциональных целевых установок участников.

Более того, эмпирические данные демонстрируют предпочтение китайскими респондентами среднего возраста и молодежью интеракциональных ценностей (см. график № 2). Разрыв в восприятии институциональных и интеракциональных ценностных ориентаций составляет 13,2%, что в целом свидетельствует о доминировании неформальных ценностных установок. Корреляционная связь единства институциональных ценностей между респондентами всех изучаемых когорт была отрицательной и составила -0,29, напротив, связь интеракциональных ценностей оказалась положительной +0,17. На практике такая связанность ценностей выражается в предпочтении личных связей, гибкости в отношениях и склонность к использованию неформальных сетей и отношений (решение вопросов через знакомых), что усиливает замкнутый круг неформальных взаимодействий (как говорил Фэй Сяотун, «Китай — общество знакомых людей» или феномен «гуаньси» (关系)). Данный момент можно рассматривать как явление неформальной институционализации, где неформальные структуры и практики могут играть ключевую роль [32].

Рисунок 2 - Динамика восприятия ценностей социальной реальности (разница рангов весов институциональных и интеракциональных ценностей)

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.160.44.4>

Наряду с этим респонденты, которые воспринимают ценности институционального порядка как более значимые, чем ценности интеракциональные, является *группа респондентов старшего возраста*. Здесь ценности институционального порядка воспринимаются несколько выше ценностей интеракциональных (около 8%). Главными ценностями респондентов этой когорты стали такие ориентации институционального порядка как социальная стабильность (самый высокий рейтинг), рост материальных ресурсов в экономической подсистеме и обеспечение государственной монополии на управление обществом в политической сфере. Все другие ценности оценены старшим поколением ниже. Среди интеракциональных ценностей с большим отрывом от всех других ценностей респонденты старших возрастов признали важность *общения и коммуникативных практик ухода от конфликтов*. Полученные результаты могут быть интерпретированы как значимость трех характеристик социального взаимодействия: pragmatism, конфликтобоязни и стабильности. *Прагматизм* — акцент на достижение материального благополучия, что связано с негативным опытом жизни в условиях нестабильных экономических систем [33]. Далее, *конфликтобоязнь*, рассматривается как усталость от социальных противоречий и значимость традиционных конфуцианских установок на гармонию в отношениях [34]. *Наконец конфуцианская восприятие государства как гаранта стабильности*, т.е. высокий уровень доверия к централизованному управлению, что объясняется привычкой к сильным институтам или страхом перед хаосом, характерный для китайцев [35].

Когорту респондентов среднего возраста можно охарактеризовать как более ориентированную на интеракциональные ценности. Подобно респондентам старших возрастных групп, они стремятся к бесконфликтному разрешению противоречий, а источником высокого уровня благосостояния видят в развитии экономического сотрудничества в глобальном контексте. В рамках институциональных ценностей респонденты этой когорты придают особое значение монополии государства в достижении политических целей и подчеркивают важность равенства социальных групп в обществе, рассматривая эту ценность как ключевой аспект социальной справедливости и устойчивого развития. Согласно модели возрастной стратификации Райли, такие установки типичны для групп, чьи ролевые позиции сформированы под влиянием жестких возрастных норм (например, законодательно закрепленных правил труда и пенсийного возраста для китайского общества) и исторического опыта — например, экономические кризисы или периоды стабильности, которые усиливают ориентацию на госрегулирование [36].

Ценности когорты молодых китайцев еще более значимо ориентированы на интеракциональные ценности. Ценность бесконфликтной коммуникации определена молодыми респондентами-китайцами как самая важная с большим отрывом от всех других. На втором месте по значимости оказалась ценность социального единства — возможность диалога и взаимодействия в обществе. Следует обратить внимание на ценность стабильного развития общества, которая для респондентов старших возрастов была на первом месте, для когорты молодых китайцев оказалась на последнем месте, т.е., молодежь воспринимает её как данность и значительно меньше фокусируется на возможных долгосрочных рисках [37]. Этот и другие примеры говорят о некоторой смене приоритетов у молодого поколения Китая по сравнению со старшими возрастными группами. Китайские обществоведы также фиксируют

такие изменения, они подчеркивают, что переход от традиционного «общества знакомых друг другу людей» к современному «обществу незнакомцев», а также переход от плановой экономики к рыночной, формируют дефицит доверительных отношений между различными когортами китайцев, который, по их мнению, базируется на позициях институциональных инноваций [38].

Выводы 2. В современном китайском обществе наблюдается все более выраженное доминирование интеракциональных ценностей, которые оказывают значительное влияние на процессы формирования и функционирования социальных институтов и практик, а также на общие тенденции развития социальной реальности. Следует отметить, что степень интеграции различных возрастных когорт в восприятии данных трендов является неоднозначной (см. график № 3).

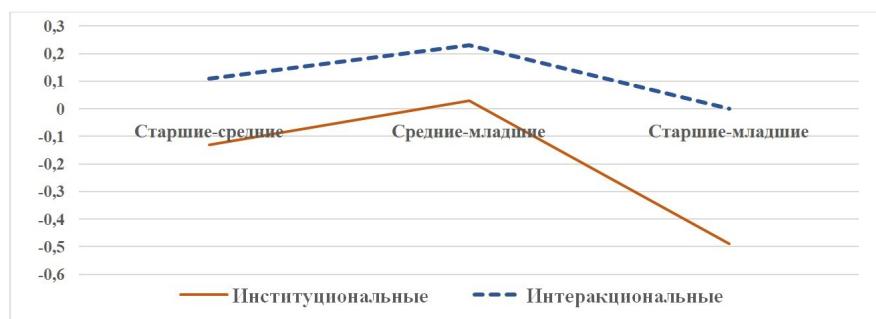

Рисунок 3 - Корреляционные связи институциональных и интеракциональных ценностей между возрастными когортами респондентов

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.160.44.5>

Примечание: коэффициент корреляции

Очевидный разрыв ценностных систем, как правило, наиболее ярко проявляется в отношениях между представителями старшего поколения и молодежью. В институциональной системе ценностей такие противоречия приобретают особую значимость. В данном контексте роль когорты среднего возраста представляется особенно важной, поскольку именно эта группа демонстрирует сохранение позитивных связей как в системе институциональных, так и интеракциональных ценностей с молодыми китайцами.

Анализ возможных причин данного феномена позволяет выделить несколько ключевых факторов. Во-первых, процессы глобализации и цифровизации оказывают значительное влияние на формирование ценностных ориентиров интерактивности молодого поколения. Молодые китайцы все более активно интегрируются в международный контекст, что требует от них развития soft skills и навыков сетевого взаимодействия (networking). Во-вторых, изменение экономической ситуации также играет важную роль: если старшее поколение пережило периоды экономической нестабильности, то современная молодежь растет в условиях благополучия и это формирует у них иные ценностные приоритеты. Наконец, культурные тренды, акцентирующие внимание на психологическом комфорте и осознанности, находят свое отражение в мировоззрении молодежи, что коррелирует с глобальными тенденциями в области личностного развития и социальной адаптации.

2.4. Результат 3. Разрыв ценностей дополненной социальности (сетевые и потоковые ценности)

Складывается в рамках дополненной социальности и характеризуется синергетическим взаимодействием онлайн- и офлайн-пространств, график № 4 [39]. В общей выборке респондентов сетевые ценности занимают доминирующее положение, их вес превышает вес потоковых ценностей на 38,6%. Но при этом в целом по выборке уровень единства восприятия сетевых ценностей характеризуется минимальной положительной корреляцией (+0,02), что указывает на их фрагментарное восприятие различными возрастными когортами. В тоже время, парадоксально выглядит восприятие потоковых ценностей, несмотря на их значительно меньшую важность в глазах китайских респондентов, они оцениваются с довольно высокой степенью единства, с коэффициентом корреляции +0,28. Эти результаты выявляют очевидное противоречие в восприятии ценностей дополненной социальности. Сетевые ценности, связанные с социальными связями и взаимодействием (статической составляющей системы социальных ценностей), воспринимаются как более значимые, тогда как потоковые ценности, характеризующие динамическую составляющую системы, то есть непрерывное создание и трансформацию социальных ценностей в обществе, оцениваются как менее значимые.

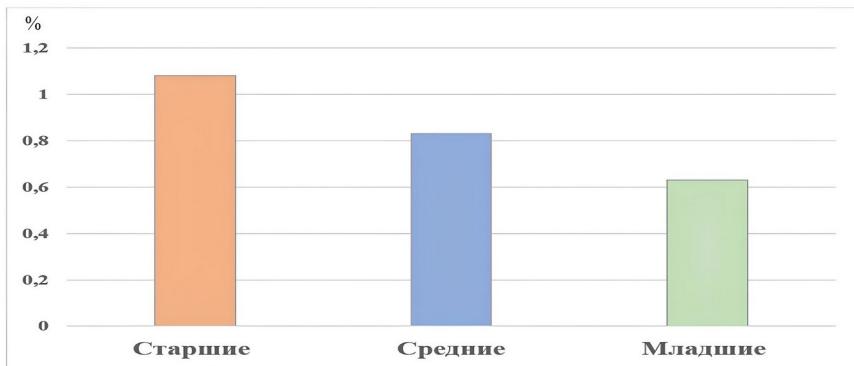

Рисунок 4 - Динамика восприятия ценностей дополненной социальности (разница рангов весов сетевых и потоковых ценностей)

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.160.44.6>

Максимальный разрыв восприятия ценностей дополненной социальности наиболее ярко проявляется среди респондентов *старшего возраста*. Этот разрыв достигает максимальных различий в 27%, что свидетельствует о существенной разнице в оценке значимости сетевых и потоковых ценностей. Представители старшего поколения склонны рассматривать сетевое пространство прежде всего как *инструмент политической мобилизации общества*, а также как *средство расширения горизонтальных связей и культурного взаимодействия*. В тоже время, они демонстрируют минимальное восприятие сетевого пространства как *пространства свободы*. Кстати сказать, эта ценность — свобода как атрибут сетевого пространства — оказалась минимальной по весу и в группе респондентов среднего возраста.

Ценности потокового общества оцениваются респондентами старшего поколения с наименьшей степенью значимости и важности для них. Среди потоковых ценностей респонденты старшего возраста наиболее высоко оценивают экономическую возможность доступа к мировым ресурсам и их перемещение между странами, что можно интерпретировать как проявление экономической рациональности. Важна роль информации в развитии современного человека, что выражает признание старшим поколением факта наступившей эры информационного общества. *Наименьшие оценки* получают позиции, связанные с *принятием ценностей различных сообществ*, и жизненный принцип как кredo: «все течет, все изменяется». Это может свидетельствовать о консервативных установках и стремлении к стабильности, характерном для данной возрастной группы.

Респондентами из *когорты среднего возраста* особое значение придается *социальным и культурным ресурсам*, которые актуализируются в пространстве дополненной социальности. Это проявляется в высокой оценке возможностей установления горизонтальных связей и позитивного восприятия представителей различных этнических и культурных групп. Эту позицию также разделяет молодежь, которая проявляет значительный интерес к *культурным ценностям других этнических групп*, что делает эти ценностные установки двух когорт схожими. Напомним, что для представителей старшего поколения данная ценность имела наименьшую значимость.

В *молодежной среде* прежде всего следует отметить парадоксальный факт восприятия ценностей дополненной социальности: молодые китайские респонденты продемонстрировали более низкие оценки сетевых ценностей по сравнению с респондентами старшего возраста на 6,7%, и на 22% эти оценки менее значимые в сравнении с оценками когорты среднего возраста. Также примечательно, что все ценности сетевого пространства были оценены ими приблизительно равными, что свидетельствует о некоторых особенностях восприятия ценностей дополненной социальности. Во-первых, по данным исследования А. Гросса, для поколения молодежи до 24 лет интернет и сетевые связи давно определяются как «инструментальная ценность» или «удобный инструмент», который не следует применять для решения важных вопросов, например, для решения вопросов личного порядка, или таких высших ценностей, как самостоятельность, безопасность и доброта [40]. В других исследованиях подтверждается отношение молодежи до 25 лет к сетям, как к *развлекательному контенту и двойной характер восприятия ценностей*: в рамках референтной группы — все более серьёзное, а в сетевом пространстве — все менее важное [41]. Другими словами, для китайской молодежи сетевое пространство — это необходимый атрибут их существования, воспринимаемый как часть повседневности. В отличии от потоковых ценностей, которые также становятся все более актуальными ориентирами (увеличение значимости этих ценностей на 12,5% по сравнению с группой пожилых респондентов и на 7,9% по сравнению с группой респондентов среднего возраста). Наиболее важной ценностью для молодых китайцев в рамках индикаторов потокового пространства стала возможность *достижения социального единства через мобильность человеческих, материальных и информационных ресурсов*. За ней по степени важности следует ценность *восприятия и интеграции культурных ценностей других обществ*. Высокую значимость также приобрели *политические ценности*, точнее, использование *интернет-технологий в интересах устранения барьеров для консолидации народов мира*. В то же время экономические потенциалы потокового общества, такие как *свобода доступа к мировым ресурсам*, получили наименьшую оценку среди китайской молодежи, в отличие от респондентов старших возрастов. Эти результаты позволяют сделать вывод о том, что молодые китайцы акцентируют внимание на социальных и культурных потенциалах общества дополненной социальности, в то время как экономические факторы для них имеют меньшее значение.

Выводы 3. На графике № 5 представлена величина и характер корреляционной связи между восприятием сетевых и потоковых ценностей среди различных возрастных групп респондентов, что позволяет сделать выводы о специфике их отношения к дополненной современности.

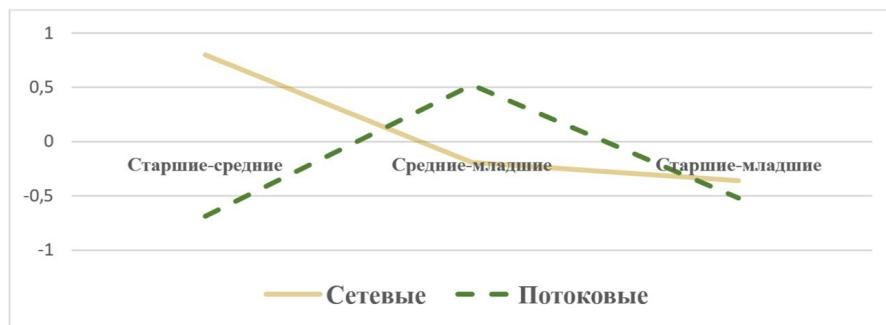

Рисунок 5 - Корреляционные связи сетевых и потоковых ценностей между возрастными когортами респондентов (коэффициент корреляции)
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.160.44.7>

Максимально отрицательная корреляция зафиксирована в восприятии ценностей потокового общества, которая складывается между респондентами старшей возрастной когорты и когортами респондентов среднего возраста и молодежи (-0,69 и -0,52 соответственно). Это максимальные значения отрицательной корреляции в целом по выборке, показывающие, что восприятие перемен в китайском обществе противоречиво. Самая высокая корреляционная связь +0,8 характерна для оценивания сетевых ценностей группами респондентов старшего и среднего возраста, подтверждает важную роль систем межличностных контактов и связей для китайцев этих возрастов.

Как очевидно, между респондентами когорты старших и младших возрастных групп противоречия складываются как в отношении сетевых, так и в отношении потоковых ценностей (коэффициенты корреляции -0,36 умеренная обратная корреляция и -0,52, сильная обратная корреляция соответственно), т.е. между этими когортами респондентов складывается противоположная динамика в восприятии ценностей дополненной социальности: *чем старше респонденты, тем сильнее расходятся их взгляды с более молодыми респондентами по вопросам сетевых и потоковых ценностей.*

По отношению к сетевым ценностям различия между поколениями существенны, но не критичны, в отличие от потоковых ценностей, где наблюдается более глубокое расхождение во взглядах. Другими словами, поколенческое расслоение в восприятии современных форм коммуникации и потребления информационного контента по потоковым ценностям выражены сильнее, чем по сетевым.

Обсуждение

Во-первых, исследование «стыка» взаимодействия ценностей реальной и дополненной социальности выявляет ключевую характеристику, которая заключается в подтверждении выводов целого ряда исследований о способности китайского общества к инверсии традиционных и новых ценностных парадигм, что является гарантом социальной стабильности его развития. Формирующиеся гибридные модели, интегрирующие конфуцианские принципы и новые форматы взаимоотношений, в целом демонстрируют успешную адаптацию китайского общества к нормам цифровой среды. В экономической сфере данная интеграция способствует сохранению традиционной трудовой этики китайцев и развитию морального предпринимательства, что укрепляет экономическую устойчивость и инновационный потенциал общества. В социальном аспекте сложившиеся модели межпоколенческого взаимодействия китайцев позволяют сохранять и трансформировать семейные ценности в условиях высокой урбанизации, обеспечивая преемственность культурных традиций. В политическом контексте стабильность и гармонизация ценностей старших и средних поколений китайцев служит основой для разработки программ, направленных на укрепление социальной сплоченности и гармонизацию общественных отношений всех слоев населения. В образовательной сфере инверсия реальной и дополненной социальности способствует развитию критического мышления и формированию интеллектуальной элиты китайцев, опирающейся на современный опыт цифровизации.

Во-вторых, феномен диссонанса между институциональными и интеракциональными ценностями в контексте социальной реальности наиболее проявляется среди китайской молодежи. Институциональные ценности, как фундаментальные базисы социальной жизни китайского общества, играют ключевую роль в формировании и поддержании общественных отношений, выступая в качестве цементирующего элемента всей социальной структуры. Эти ценности остаются доминирующими для большинства представителей в особенности старшего и среднего поколений. В то же время интеракциональные ценности приобретают особую значимость для молодого поколения.

В-третьих, исследование дихотомии сетевых и потоковых ценностей в контексте китайского социума позволило выявить доминирующую роль сетевых ценностей в ценностной структуре общества. Анализ эмпирических данных демонстрирует, что респонденты всех возрастных категорий отдают явное предпочтение сетевым ценностям, рассматривая их как более приоритетные и значимые. Этот феномен может свидетельствовать о глубинной укорененности сетевых ценностей в традиционные системы китайского общества, как общества, ориентированного на

постоянное масштабирование отношений. В то же время потоковые ценности воспринимаются китайскими респондентами с меньшим интересом, особенно представителями старших поколений. Данный результат указывает на возможное наличие межпоколенческих различий в ценностных ориентациях и различное понимание роли стабильности и последовательной эволюции социально-экономического развития.

Заключение

Опыт эмпирического исследования китайского общества демонстрирует, что успешная адаптация традиционных ценностей к современным условиям происходит при условии гибкого подхода и сохранения фундаментальных культурных слоев, что создает предпосылки для устойчивого развития общества в условиях глобальных изменений. Методологический аспект исследования указывает на необходимость более внимательного изучения механизмов формирования ценностных ориентаций в различных локальных контекстах. Практическая значимость исследования заключается в новой глубине понимания этих противоречий, что важно для разработки эффективных методик диагностики и коммуникационных стратегий, способствующих построению социальных программ и развития межкультурного диалога между российским и китайским обществом.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 24-18-00261 «Социоструктурная модель перехода российского общества в режим дополненной современности»).

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Funding

The work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation grant (project No. 24-18-00261 "Sociostructural model of the transition of Russian society to the augmented modernity mode").

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Асочаков Ю.В. Новое измерение социального развития: активность и креативность в интернет-коммуникациях / Ю.В. Асочаков, Е.С. Богомягкова, Д.В. Иванов // Социологические исследования. — 2021. — № 1. — С. 75–86. — DOI: 10.31857/S013216250012083-4.
2. Бергер Я.М. Доклад об исследовании социальной стратификации современного Китая. Дандай Чжунго шэхүй цээцэн яныцэю баогао / Я.М. Бергер // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. — 2003. — № 3. — С. 15–46.
3. Wang Y. Research on adolescent socialization in the new media environment / Y. Wang // Digital Media Research. — 2019. — № 36. — Р. 9–16.
4. Гуанъхао Л. Повышение медиаграмотности подростков в контексте новых медиа / Л. Гуанъхао // Журнал «Хэйхэ». — 2021. — № 3. — С. 64–67.
5. Ван С. Десять китайских социальных страт / С. Ван // Теория и практика общественного развития. — 2011. — № 2. — С. 104–111.
6. Возрастная стратификация Райли // Большая российская энциклопедия. — URL: <https://bigenc.ru/c/vozrastnaiastratifikatsiya-raili-32e37e> (дата обращения: 06.08.2025).
7. Воронкова О.А. Политическая системность и сетевая социальность: концептуальные аспекты / О.А. Воронкова // Социально-гуманитарные знания. — 2021. — № 5. — С. 120–133.
8. Врублевская О.А. О сущности понятия «Социальное взаимодействие» в научных исследованиях / О.А. Врублевская // Сибирский аэрокосмический журнал. — 2006. — № 5(12). — С. 60–65.
9. Гросс А. Ценности и социальные установки разных поколений пользователей интернета / А. Гросс. — URL: <https://www.b17.ru/article/478721/> (дата обращения: 06.08.2025).
10. Дерюгин П.П. Диагностика связности структур дополненной социальности: пилотаж сетевой методики / П.П. Дерюгин, О.В. Кузнецова, С.Д. Куражев [и др.] // VII Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона : материалы Международной научно-практической конференции. — Иркутск : Издательство ИГУ, 2024. — С. 25–31.
11. Дерюгин П.П. Стратагемное мышление и манипулятивные практики в китайском управлении: социологический анализ / П.П. Дерюгин, Л.А. Лебединцева, Е.В. Кремнев // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — 2024. — № 5. — С. 212–223. — DOI 10.31696/S086919080032000-7.
12. Дерюгин П.П. Сетевые модели деловых ценностей в структуре человеческого капитала китайских студентов / П.П. Дерюгин, Е.В. Кремнев, О.В. Ярмак [и др.] // Научный результат. Социология и управление. — 2021. — Т. 7, № 3. — С. 135–151. — DOI 10.18413/2408-9338-2021-7-3-1-2.
13. Иванов Д.В. Третья интегративная волна в социологии. Часть 1: актуальность новой повестки / Д.В. Иванов // Социологические исследования. — 2024. — № 6. — С. 3–15. — DOI 10.31857/S0132162524060014.
14. Иванов Д.В. Третья интегративная волна в развитии социологии. Часть 2. Теории и методы для дополненной социальной реальности / Д.В. Иванов // Социологические исследования. — 2024. — № 7. — С. 23–36. — DOI 10.31857/S0132162524070045.

15. Игнатьев В.И. "Дополненное" социальное пространство: сети и структуры "Second Life" / В.И. Игнатьев, С.А. Кузин // Идеи и идеалы. — 2014. — № 4(22). — С. 100–113. — DOI: 10.17212/2075-0862-2014-4.1-100-114.
16. Крылов Д.В. Разрешение конфликтов в многонациональной организации на примере китайских компаний / Д.В. Крылов // Актуальные проблемы социально-экономических исследований. — 2014. — С. 33–34. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22769188> (дата обращения: 15.09.2019).
17. Крюкова М.В. Социальный институт как базовый компонент институциональной структуры общества / М.В. Крюкова // Система ценностей современного общества. — 2011. — № 18. — С. 221–225.
18. Li N. The influence of new media on adolescent socialization and their coping strategies / N. Li // Communication Research. — 2017. — № 1. — P. 63–66. [in Russian]
19. Li J. Changes in the social and cultural capital of generations (based on Chinese and Russian statistics) / J. Li // Theory and Practice of Social Development. — 2023. — № 11. — P. 163–169.
20. Лу Ю. Исследование современной китайской молодежной культуры / Ю. Лу. — 2009. — 273 с.
21. Лучшие в мире специалисты в области ИИ имеют китайское происхождение // ИА Красная Весна. — URL: <https://rossaprimavera.ru/news/73d13864> (дата обращения: 06.08.2025).
22. Ма Х. Цифровая трансформация Китая. Опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики / Х. Ма [и др.]. — Москва, 2019.
23. Михельсон С.В. Влияние китайской культуры на деловую межкультурную коммуникацию и финансы / С.В. Михельсон // Человек и культура. — 2021. — № 5. — DOI: 10.25136/2409-8744.2021.5.34552.
24. Возрастная стратификация Райли // Большая российская энциклопедия. — URL: <https://bigenc.ru/c/vozrastnaya-stratifikatsiya-raili-32e37e> (дата обращения: 06.08.2025).
25. Рикель А.М. Социально-психологическая модель ценностей различных поколений современного российского общества / А.М. Рикель, С.В. Доренская // Российский психологический журнал. — 2017. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskaya-model-tsennostey-razlichnyh-pokoleniy-sovremenennogo-rossiyskogo-obschestva> (дата обращения: 06.08.2025).
26. Секрет китайского «экономического чуда» // Epoch Times Russia. — URL: <https://www.epochtimes.ru/content/view/31285/4/> (дата обращения: 06.08.2025).
27. Томас У. Методологические заметки / У. Томас, Ф. Знанецкий // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В.И. Добренькова. — Москва : Изд. МГУ, 1994. — С. 343–359.
28. Тюков Н.А. Концептуальное восприятие ценностей российской молодежью: возрастная, половая и территориальная дифференциация / Н.А. Тюков, В.Л. Шаповалов, Е.Р. Никулин // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. — 2024. — № 1. — С. 82–95. — DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-7.
29. Цзо Ц. Цифровая трансформация в Китайской народной республике: динамика и тенденции / Ц. Цзо // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. — 2025. — № 1. — С. 202–224. — DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-1-202-224.
30. Цзюй С. Проблемы социальной адаптации пожилых людей в цифровом обществе Китая / С. Цзюй // Общество: социология, психология, педагогика. — 2022. — № 4(96). — С. 39–44. — DOI 10.24158/spp.2022.4.5.
31. Цун Л. Четыре разрыва личности в современном Китае / Л. Цун // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2019. — Т. 11, № 4. — С. 138–145. — DOI: 10.17748/2075-9908-2019-11-4-138-145.
32. Чернышева Е.Н. Пространство потоков и структура глобального мира / Е.Н. Чернышева // Вестник РЭА им. Г.В. Плеханова. — 2013. — № 11(65). — С. 15.
33. Чжао В. Развитие образовательных экосистем в контексте цифровизации в Китае / В. Чжао // Педагогический журнал. — 2023. — Т. 13, № 5А. — С. 145–152. — DOI: 10.34670/AR.2023.73.70.018.
34. Чу Д. Создание и оздоровление «системы совместного поощрения за оправдание доверия и совместного наказания за нарушение доверия»: китайский план разрешения сложной проблемы дефицита гражданского доверия / Д. Чу // Социально-политические науки. — 2022. — Т. 12, № 1. — С. 77–87. — DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-1-77-87.
35. Шваб К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. — Москва : Эксмо, 2016. — С. 30.
36. Bourdieu P. Questions of Sociology / P. Bourdieu. — Minuit, 1980. — 268 p.
37. Giddens E. Central Problems of Social Theory / E. Giddens. — London, 1979.
38. Habermas J. Die Problematik des Sinnverstehens in den Sozialwissenschaften / J. Habermas // Theorie des kommunikativen Handelns. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1981. — Bd. 1. — S. 152–203. [German]
39. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. — Екатеринбург : У-Фактория, 2004.
40. Knorr Cetina K. Sociality with objects: social relations in postsocial knowledge societies / K. Knorr Cetina // Theory, Culture & Society. — 1997. — Vol. 14, № 4. — P. 1–30.
41. Latour B. Science in action: how to follow scientists and engineers through society / B. Latour. — Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 1987. — ISBN 978-0-674-79291-3.
42. 中文版本：陆玉林. 《当代中国青年文化研究》. 北京: 人民出版社, 2009 年. 273 页.
43. Archer M. The Reflexive Imperative in Late Modernity / M. Archer. — Cambridge : Cambridge University Press, 2012.
44. Urry J. Mobile Sociology / J. Urry // British Journal of Sociology. — 2000. — Vol. 51, № 1. — P. 185–203.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Asochakov Yu.V. Novoe izmerenie sotsial'nogo razvitiya: aktivnost' i kreativnost' v internet-kommunikatsiyakh [A new dimension of social development: activity and creativity in Internet communications] / Yu.V. Asochakov, E.S. Bogomyagkova, D.V. Ivanov // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. — 2021. — № 1. — P. 75–86. — DOI: 10.31857/S013216250012083-4. [in Russian]
2. Berger Ya.M. Doklad ob issledovanii sotsial'noi stratifikatsii sovremennoj Kitaya. Dandai Chzhungo shekhui tsetsen yan'tszyu baogao [Report on the study of social stratification in modern China. Dàndài Zhōngguó shèhūi jiēcéng yánjūn bàogào] / Ya.M. Berger // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature]. — 2003. — № 3. — P. 15–46. [in Russian]
3. Wang Y. Research on adolescent socialization in the new media environment / Y. Wang // Digital Media Research. — 2019. — № 36. — P. 9–16.
4. Guan'kao L. Povyshenie mediagramotnosti podrostkov v kontekste novykh media [Improving media literacy of adolescents in the context of new media] / L. Guan'kao // Zhurnal «Kheikhe» [Heihe Journal]. — 2021. — № 3. — P. 64–67. [in Russian]
5. Van S. Desyat' kitaiskikh sotsial'nykh strat [Ten Chinese social strata] / S. Van // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and Practice of Social Development]. — 2011. — № 2. — P. 104–111. [in Russian]
6. Vozrastnaya stratifikatsiya Raili [Age stratification by Riley] // Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia]. — URL: <https://bigenc.ru/c/vozrastnaya-stratifikatsiya-raili-32e37e> (accessed: 06.08.2025). [in Russian]
7. Voronkova O.A. Politicheskaya sistemnost' i setevaya sotsial'nost': kontseptual'nye aspekty [Political systematicity and network sociality: conceptual aspects] / O.A. Voronkova // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya [Social and Humanitarian Knowledge]. — 2021. — № 5. — P. 120–133. [in Russian]
8. Vrublevskaya O.A. O sushchnosti ponyatiya «Sotsial'noe vzaimodeistvie» v nauchnykh issledovaniyakh [On the essence of the concept of "Social Interaction" in scientific research] / O.A. Vrublevskaya // Sibirskii aerokosmicheskii zhurnal [Siberian Aerospace Journal]. — 2006. — № 5(12). — P. 60–65. [in Russian]
9. Gross A. Tsennosti i sotsial'nye ustanovki raznykh pokolenii pol'zovatelei interneta [Values and social attitudes of different generations of Internet users] / A. Gross. — URL: <https://www.b17.ru/article/478721/> (accessed: 06.08.2025). [in Russian]
10. Deryugin P.P. Diagnostika svyazannosti struktur dopolnennoi sotsial'nosti: pilotazh setevoi metodiki [Diagnostics of the connectivity of augmented sociality structures: pilot testing of a network methodology] / P.P. Deryugin, O.V. Kuznetsova, S.D. Kurazhev [et al.] // VII Gotlibovskie chteniya: Vostokovedenie i regionovedenie Aziatsko-Tikhoceanskogo regiona [VII Gotlib Readings: Oriental Studies and Regional Studies of the Asia-Pacific Region] : Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. — Irkutsk : Izdatel'stvo IGY, 2024. — P. 25–31. [in Russian]
11. Deryugin P.P. Stratagennoe myshlenie i manipulyativnye praktiki v kitaiskom upravlenii: sotsiologicheskii analiz [Stratagem thinking and manipulative practices in Chinese management: a sociological analysis] / P.P. Deryugin, L.A. Lebedintseva, E.V. Kremnev // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremenost' [Oriens. Afro-Asian Societies: History and Modernity]. — 2024. — № 5. — P. 212–223. — DOI 10.31696/S086919080032000-7. [in Russian]
12. Deryugin P.P. Setevye modeli delovykh tsennostei v strukture chelovecheskogo kapitala kitaiskikh studentov [Network models of business values in the structure of human capital of Chinese students] / P.P. Deryugin, E.V. Kremnev, O.V. Yarmak [et al.] // Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie [Research Result. Sociology and Management]. — 2021. — Vol. 7, № 3. — P. 135–151. — DOI 10.18413/2408-9338-2021-7-3-1-2. [in Russian]
13. Ivanov D.V. Tret'ya integrativnaya volna v sotsiologii. Chast' 1: aktual'nost' novoi povestki [The third integrative wave in sociology. Part 1: relevance of the new agenda] / D.V. Ivanov // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. — 2024. — № 6. — P. 3–15. — DOI 10.31857/S0132162524060014. [in Russian]
14. Ivanov D.V. Tret'ya integrativnaya volna v razvitiu sotsiologii. Chast' 2. Teorii i metody dlya dopolnennoi sotsial'noi real'nosti [The third integrative wave in the development of sociology. Part 2. Theories and methods for augmented social reality] / D.V. Ivanov // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. — 2024. — № 7. — P. 23–36. — DOI 10.31857/S0132162524070045. [in Russian]
15. Ignat'ev V.I. "Dopolnennoe" sotsial'noe prostranstvo: seti i struktury "Second Life" ["Augmented" social space: networks and structures of "Second Life"] / V.I. Ignat'ev, S.A. Kuzin // Idei i idealy [Ideas and Ideals]. — 2014. — № 4(22). — P. 100–113. — DOI: 10.17212/2075-0862-2014-4.1-100-114. [in Russian]
16. Krylov D.V. Razreshenie konfliktov v mnogonatsional'noi organizatsii na primere kitaiskikh kompanii [Conflict resolution in a multinational organization using the example of Chinese companies] / D.V. Krylov // Aktual'nye problemy sotsial'no-ekonomicheskikh issledovanii [Current Problems of Socio-Economic Research]. — 2014. — P. 33–34. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22769188> (accessed: 15.09.2019). [in Russian]
17. Kryukova M.V. Sotsial'nyi institut kak bazovyi komponent institutsional'noi struktury obshchestva [Social institution as a basic component of the institutional structure of society] / M.V. Kryukova // Sistema tsennostei sovremennoj obshchestva [Value System of Modern Society]. — 2011. — № 18. — P. 221–225. [in Russian]
18. Li N. The influence of new media on adolescent socialization and their coping strategies / N. Li // Communication Research. — 2017. — № 1. — P. 63–66. [in Russian]
19. Li J. Changes in the social and cultural capital of generations (based on Chinese and Russian statistics) / J. Li // Theory and Practice of Social Development. — 2023. — № 11. — P. 163–169.
20. Lu Y. Issledovanie sovremennoi kitaiskoi molodezhnoi kul'tury [Research on Contemporary Chinese Youth Culture] / Y. Lu. — 2009. — 273 p. [in Russian]

21. Luchshie v mire spetsialisty v oblasti II imeyut kitaiskoe proiskhozhdenie [The world's best AI specialists are of Chinese origin] // IA Krasnaya Vesna [Red Spring News Agency]. — URL: <https://rossaprimavera.ru/news/73d13864> (accessed: 06.08.2025). [in Russian]
22. Ma Kh. Tsifrovaya transformatsiya Kitaya. Opyt preobrazovaniya infrastruktury natsional'noi ekonomiki [Digital transformation of China. Experience in transforming the national economic infrastructure] / Kh. Ma [et al.]. — Moscow, 2019. [in Russian]
23. Mikhel'son S.V. Vliyanie kitaiskoi kul'tury na delovuyu mezhekul'turnuyu kommunikatsiyu i finansy [The influence of Chinese culture on business intercultural communication and finance] / S.V. Mikhel'son // Chelovek i kul'tura [Man and Culture]. — 2021. — № 5. — DOI: 10.25136/2409-8744.2021.5.34552. [in Russian]
24. Vozrastnaja stratifikacija Rajli [Riley's age stratification] // Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia]. — URL: <https://bigenc.ru/c/vozrastnaia-stratifikatsiia-raili-32e37e> (accessed: 06.08.2025). [in Russian]
25. Rikel' A.M. Sotsial'no-psikhologicheskaya model' tsennostei razlichnykh pokolenii sovremennoogo rossiiskogo obshchestva [Socio-psychological model of values of different generations of modern Russian society] / A.M. Rikel', S.V. Dorenskaya // Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal [Russian Psychological Journal]. — 2017. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskaya-model-tsennostey-razlichnyh-pokoleniy-sovremennoogo-rossiyskogo-obschestva> (accessed: 06.08.2025). [in Russian]
26. Sekret kitaiskogo «ekonomiceskogo chuda» [The secret of the Chinese "economic miracle"] // Epoch Times Russia. — URL: <https://www.epochtimes.ru/content/view/31285/4/> (accessed: 06.08.2025). [in Russian]
27. Tomas U. Metodologicheskie zametki [Methodological note] / U. Tomas, F. Znaneckii // Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl' [American Sociological Thought] : Texts / ed. by V.I. Dobren'kov. — Moscow : Publishing House MSU, 1994. — P. 343–359. [in Russian]
28. Tyukov N.A. Kontseptual'noe vospriyatiye tsennostei rossiiskoi molodezh'yu: vozrastnaya, polovaya i territorial'naya differentsiatsiya [Conceptual perception of values by Russian youth: age, gender and territorial differentiation] / N.A. Tyukov, V.L. Shapovalov, E.R. Nikulin // Nauchnyi rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya [Research Result. Social and Humanitarian Research]. — 2024. — № 1. — P. 82–95. — DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-7. [in Russian]
29. Tszo Tsi. Tsifrovaya transformatsiya v Kitaiskoi narodnoi respublike: dinamika i tendentsii [Digital transformation in the People's Republic of China: dynamics and trends] / Tsi. Tszo // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. — 2025. — № 1. — P. 202–224. — DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-1-202-224. [in Russian]
30. Tszuyu S. Problemy sotsial'noi adaptatsii pozhilykh lyudei v tsifrovom obshchestve Kitaya [Problems of social adaptation of elderly people in the digital society of China] / S. Tszuyu // Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika [Society: Sociology, Psychology, Pedagogy]. — 2022. — № 4(96). — P. 39–44. — DOI 10.24158/spp.2022.4.5. [in Russian]
31. Tsun L. Chetyre razryva lichnosti v sovremennom Kitae [Four personality splits in modern China] / L. Tsun // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' [Historical and Social-Educational Ideas]. — 2019. — Vol. 11, № 4. — P. 138–145. — DOI: 10.17748/2075-9908-2019-11-4-138-145. [in Russian]
32. Chernysheva E.N. Prostranstvo potokov i struktura global'nogo mira [The space of flows and the structure of the global world] / E.N. Chernysheva // Vestnik RЭA im. G.V. Plekhanova [Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics]. — 2013. — № 11(65). — P. 15. [in Russian]
33. Chzhao V. Razvitie obrazovatel'nykh ekosistem v kontekste tsifrovizatsii v Kitae [Development of educational ecosystems in the context of digitalization in China] / V. Chzhao // Pedagogicheskii zhurnal [Pedagogical Journal]. — 2023. — Vol. 13, № 5A. — P. 145–152. — DOI: 10.34670/AR.2023.73.70.018. [in Russian]
34. Chu D. Sozdanie i ozdorovlenie «sistemy sovmestnogo pooshchreniya za opravdanie doveriya i sovmestnogo nakazaniya za narushenie doveriya»: kitaiskii plan razresheniya slozhnoi problemy defitsita grazhdanskogo doveriya [Creation and improvement of the "system of joint incentives for trustworthiness and joint punishments for trust-breaking": the Chinese plan for resolving the complex problem of civil trust deficit] / D. Chu // Sotsial'no-politicheskie nauki [Social and Political Sciences]. — 2022. — Vol. 12, № 1. — P. 77–87. — DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-1-77-87. [in Russian]
35. Shvab K. Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya [The Fourth Industrial Revolution] / K. Shvab. — Moscow : Eksmo, 2016. — P. 30. [in Russian]
36. Bourdieu P. Questions of Sociology / P. Bourdieu. — Minuit, 1980. — 268 p.
37. Giddens E. Central Problems of Social Theory / E. Giddens. — London, 1979.
38. Habermas J. Die Problematik des Sinnverstehens in den Sozialwissenschaften [The Problem of Understanding Meaning in the Social Sciences] / J. Habermas // Theorie des kommunikativen Handelns [The Theory of Communicative Action]. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1981. — Vol. 1. — P. 152–203. [German]
39. Kastel's M. Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve [The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society] / M. Kastel's. — Yekaterinburg : U-Faktoriya, 2004. [in Russian]
40. Knorr Cetina K. Sociality with objects: social relations in postsocial knowledge societies / K. Knorr Cetina // Theory, Culture & Society. — 1997. — Vol. 14, № 4. — P. 1–30.
41. Latour B. Science in action: how to follow scientists and engineers through society / B. Latour. — Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 1987. — ISBN 978-0-674-79291-3.
42. Lu J. Zhōngguó xiàndài qīngnián wénhuà yánjiū [Research on Contemporary Chinese Youth Cultures] / J. Lu. — Beijing : Jenmin' Chuban'she, 2009. [In Chinese]
43. Archer M. The Reflexive Imperative in Late Modernity / M. Archer. — Cambridge : Cambridge University Press, 2012.
44. Urry J. Mobile Sociology / J. Urry // British Journal of Sociology. — 2000. — Vol. 51, № 1. — P. 185–203.